

Глава 44. Двуликий сосед по парте — отличник

В душе Сун Цзячжу развернулась мучительная борьба, но взгляд его, прикованный к Лин Чжи, не отрывался ни на мгновение. Это яростное противоборство мыслей дало едва заметную трещину, когда рука юноши коснулась банного халата. В тот же миг в сознании Сун Цзячжу одна из сторон одержала сокрушительную победу, безжалостно подавив все остальные доводы.

Он ясно осознавал всю низость и порочность своего поступка. Лин Чжи, ни о чём не подозревая, представал перед ним в самом уязвимом виде, а он сам даже не подумал прервать видеозвонок.

Запретное, извращённое удовольствие пустило ростки в его душе, и тёмная сторона человеческой природы начала медленно расползаться, захватывая всё его существо.

Поскольку зеркало и письменный стол стояли не на одной линии, Сун Цзячжу мог видеть Лин Чжи лишь в профиль. В свете лампы его точёные плечи отливали жемчужной белизной, а плавные изгибы тела были наполовину скрыты кроватью.

Когда он разглядел одежду, которую Лин Чжи держал в руках, то неосознанно потянулся к стакану и сделал глоток воды.

Кровать скрывала Лин Чжи лишь до середины голени, поэтому юноша отчётливо видел, как тот, слегка наклонившись и согнув ноги, надел нижнее бельё — вещь настолько эфемерную, что её наличие было скорее условностью, чем фактом.

Внезапно пересохшее горло заставило Сун Цзячжу сделать ещё один глоток. Хотя он и знал, что Лин Чжи его не видит, он всё же прикрыл стаканом своё изменившееся лицо, пытаясь скрыть неестественное выражение.

Стоя перед зеркалом, Лин Чжи мысленно цокнул языком.

Вся эта одежда была куплена не им. У прежнего владельца тела, оказывается, была своя дикая сторона, которую он, впрочем, усердно подавлял. Он покупал эти вещи, но ни разу не осмелился их примерить — лишь бросал на них беглый взгляд и тут же прятал в дальний угол шкафа.

Лин Чжи не планировал надевать этот наряд так скоро. По его замыслу, это должно было произойти недели через две, в один из ничем не примечательных вечеров во время их обычного видеозвонка. Он хотел, чтобы это стало для Сун Цзячжу потрясением, а не случилось в первый же день их онлайн-занятий.

Однако, вспомнив о недавнем странном поведении Сун Цзячжу, — хотя он и не знал его причин, — Лин Чжи был уверен, что может подарить ему немного чувства безопасности.

Что ж, он не возражал против того, чтобы дать Сун Цзячжу ещё больше «безопасности», сделав его ещё более жадным.

Полагаясь лишь на собственные силы, он не мог бы с уверенностью сказать, прервал ли собеседник звонок, но 01 знал всё. Он мог видеть и сообщить ему ответ.

Лин Чжи взял в руки верхнюю часть комплекта. Наряд состоял из топа и юбки, хотя ткани на них обеих вместе взятых было, пожалуй, меньше, чем на тёмно-синей толстовке Сун Цзячжу.

Строго говоря, это уже выходило за рамки стиля «ла-мэй», хоть топ и соответствовал ему. По сути, это была вещь, не предназначенная для того, чтобы носить её на людях.

П.п.: «hot girl» — популярный в Китае откровенный стиль одежды.

Топ представлял собой лиф-бандо в сине-белую клетку, отороченный по краям белым кружевом. В центре чашечки были соединены полупрозрачной вставкой, стянутой крест-накрест белой атласной лентой.

Нижняя часть — юбка из той же сине-белой клетчатой ткани, украшенная по подолу оборкой из белого кружева. Посередине была вшита деталь, напоминающая маленький белый фартук, как у горничных.

Лин Чжи был высоким и стройным, поэтому и без того короткая юбка на нём казалась ещё короче.

Он не стал специально надевать парик. По правде говоря, такой наряд даже на парне не смотрелся бы совсем уж неуместно.

Глядя на своё отражение, Лин Чжи вспомнил, что когда прежний владелец тела покупал этот комплект, на этикетке было написано «сладкая страсть». Весьма точное описание.

Сун Цзячжу изо всех сил пытался унять дыхание и поудобнее устроился на стуле.

На экране Лин Чжи повернулся к нему спиной, очевидно, что-то ища в шкафу.

Когда он наклонился, юноша замер, напрягшись всем телом.

Через мгновение Лин Чжи нашёл то, что искал.

Это были аксессуары, шедшие в комплекте с нарядом, но лежавшие в шкафу отдельно.

Полупрозрачный белый кружевной чокер с бантом лёг на его шею.

Он больше не смотрел в зеркало, а повернулся к письменному столу, оказавшись лицом к кровати.

Сердце Сун Цзячжу на миг замерло. Это была гремучая смесь восторга и ужаса, способная остановить ход мыслей.

Вождение к прекрасному и страх быть обнаруженным — вечная дилемма подглядывающего.

А затем сердце, словно очнувшись, забило с такой силой, что, казалось, вот-вот вырвется из груди, согревая его в этот холодный зимний день.

Это были чулки до середины бедра — так называемой «абсолютной территории», — выполненные в том же стиле, что и чокер. Верхнюю часть каждого изделия венчала оборка из белого кружева, гармонично завершая образ.

Он походил на изысканный подарок, ожидающий, когда его распакут, а бант на шее казался ключом, открывающим доступ ко всем тайнам.

Эта зима казалась необычайно тёплой. По ту сторону экрана глаза юноши потемнели. Его губы, неспособные произнести ни слова, хранили молчание, но внутри бушевал беззвучный взрыв эмоций.

Тот, за кем он наблюдал, опустился на кровать и, полуприсев на колени, потянулся к прикроватной тумбочке, словно собираясь что-то достать.

Это движение приоткрыло взору белоснежную, сокровенную плоть его тела.

Лин Чжи не стал доставать игрушки из прошлого мира. Вместо этого он извлёк маленькое зеркальце.

Награда не должна переходить границ. Вся прелесть ожидания — в неизвестности.

Он посмотрел на своё отражение и увидел в собственных глазах смех.

Лин Чжи отложил зеркало и, опустив голову, потёр лодыжку, которая уже совсем не болела.

Выждав пару минут, он поднялся и направился к столу.

Взяв телефон, он увидел на экране пустую комнату.

Он картинно ахнул и тут же завершил видеозвонок.

Закончив с этим маленьким спектаклем, Лин Чжи положил телефон на стол. В его глазах плясали лукавые, многозначительные искорки.

«Сладких снов, маленький немой»

На другом конце невидимой нити данных Сун Цзячжу, увидев, что экран погас и вернулся в окно диалога, наконец сел за свой стол.

На нём стоял горшок с ожившей цзиньхуансин, которая расправила свои листья под светом лампы.

В тот момент, когда Лин Чжи пошёл к столу, юноша инстинктивно скрылся из поля зрения камеры.

Он чувствовал себя вором, укравшим прекрасный сон, и теперь, в лёгком головокружении, снова и снова прокручивал в памяти будоражащие образы.

Для невинного юноши, чья душа была чистым листом в вопросах любви, это было подобно ослепительному фейерверку. Его мысли, словно метеоры, падали в одно и то же озеро чувств.

Круги расходились по воде, продолжая своё движение даже в настоящем сне, не затихая ни на миг.

Во сне он распаковал подарок. Его рука с силой сжала эту «белоснежную плоть», оставляя следы пальцев.

Обрывки реальности вплетались в сон. В глазах Лин Чжи стояла лёгкая пелена слёз, окутывая всё туманом, делая картину неясной и размытой.

На следующий день Сун Цзячжу чуть не опоздал. Он почти никогда не ставил будильник — его внутренние часы всегда будили его раньше шести тридцати, оставляя достаточно времени, чтобы спокойно умыться, одеться, позавтракать и дойти до школы. Но сегодня он проснулся, когда до начала утреннего чтения оставалось всего пятнадцать минут.

Он поспешно умылся. К счастью, дом был совсем рядом со школой, и он успел войти в класс как раз в тот момент, когда прозвенел звонок.

— Ты сегодня позже обычного, — раздался у его уха голос Лин Чжи.

Сун Цзячжу кивнул, не вдаваясь в объяснения.

Он даже не взглянул в глаза Лин Чжи, боясь, что его собственная, ещё не унявшаяся радость может выдать его с головой.

«Так не должно быть», — отчётливо понимал Сун Цзячжу.

Он уставился в учебник, а уголки его губ сами собой поползли вверх.

Школьная жизнь представляла собой смесь рутины и неожиданностей, подобно реке, что течёт по одному руслу, но постоянно меняется.

С тех пор как Хэ Юйцин и Ван Лин сели поближе к Лин Чжи, его повседневная жизнь немного изменилась.

У Хэ Юйцин, казалось, всегда были нескончаемые запасы снеков, и она обожала ими делиться. Так что Лин Чжи часто получал через Ван Лин небольшие угощения. В ответ он тоже иногда покупал что-нибудь и делился с ними.

Это превратилось в своего рода ритуал дружбы. И хотя Лин Чжи старался оставаться незаметным, они властно втянули его в свой круг, ведь он был тихим, застенчивым и не умеющим отказывать одноклассником.

Сун Цзячжу оставался прежним, но весь класс пришёл к единому мнению: у него были очень хорошие отношения с соседом по парте.

Об этом никто не объявлял, но факты говорили сами за себя. Каждое утро, ещё до прихода Лин Чжи, юноша наполнял его кружку горячей водой.

Когда раздавали контрольные или домашние задания, он всегда забирал и долю своего соседа.

Иногда их видели вместе в школьной столовой. Всё это и сложилось в общее мнение.

Поэтому, когда некоторые ученики стеснялись напрямую задать вопрос Сун Цзячжу, они просили об этом Лин Чжи, а тот обычно не отказывал.

Так в глазах сверстников этот дуэт превратился в «неприступного гения и его милого, застенчивого соседа». Другие ученики и не против были бы называть Лин Чжи по имени, но, несмотря на его отличные оценки, он был слишком замкнут, никогда не начинал разговор

первым и даже избегал смотреть в глаза, словно мимоза.

Сун Цзячжу, случайно услышав, как одноклассники называют так Лин Чжи, ничего не говорил. В глубине души он наслаждался тем, что эту порочную сторону Лин Чжи показывал только ему.

Время летело незаметно. Казалось, только что закончились промежуточные экзамены, а уже приближались следующие, назначенные на конец декабря.

Однако тучи грядущих экзаменов не омрачали настроение учеников, ведь приближалось Рождество.

Хотя это и был иностранный праздник, школьники с энтузиазмом отмечали все праздники, кроме Цинмина, и следовали уже укоренившимся местным традициям.

В канун Рождества Лин Чжи получил несколько яблок. Он, в свою очередь, подарил Хэ Юйцин и остальным яблоки и конфеты. Разумеется, и для Сун Цзячжу у него был подарок.

Тот тоже приготовил для него сюрприз, который появился на столе Лин Чжи даже раньше, чем угощения от других ребят, вместе с красивой, подписанной от руки открыткой.

За эти полтора месяца жизнь Лин Чжи и Сун Цзячжу вошла в размеренный, почти не меняющийся ритм.

Каждый вечер они по часу или два занимались по видеосвязи, но не всегда это была учёба. Иногда Лин Чжи просто включал фильм, а Сун Цзячжу по ту сторону экрана читал книгу под звуки его кино.

По воскресеньям они иногда вместе ходили в книжный магазин или в приют. В прошлый раз Лин Чжи даже сводил Сун Цзячжу в сычуаньский ресторанчик. После первого же острого кусочка тот выпил два стакана воды, чем очень насмешил Лин Чжи.

Сун Цзячжу хотел было проявить стойкость, но Лин Чжи сжалился и заказал ему неострое блюдо, чтобы тот мог спокойно поесть.

Они молчаливо поддерживали состояние, которое со стороны могло показаться шагом назад, но на самом деле было огромным прогрессом. Лишь случайные прикосновения пальцев на уроке или та непринужденность, с которой они брали вещи друг друга, позволяли этой тайной нежности просочиться наружу.

На перемене перед вечерними занятиями в школе царило оживление. Даже те, кто обычно не общался с учениками из других классов, в этот день сновали по коридорам, раздавая знакомым конфеты.

Лин Чжи возвращался из учительской с пачкой проверочных работ. За последнее время его успеваемость заметно и стабильно росла, поэтому классный руководитель уделял ему особое внимание и иногда просил присмотреть за Сун Цзячжу. Не только ученики, но и учителя заметили их тёплые отношения.

В коридоре было шумно. Хэ Юйцин стояла у входа во второй класс и болтала с кем-то. Увидев Лин Чжи, она окликнула его.

Лин Чжи поднял глаза и улыбнулся ей.

Сюй Леян, стоявший посреди коридора, услышав, как девушка позвала Лин Чжи, тоже невольно поднял голову.

Ночная тьма за окнами коридора и свет ламп в нём создавали причудливую игру света и тени, и лицо юноши отчётливо отпечаталось в глазах наблюдателя.

<http://bllate.org/book/15821/1437062>